УДК 343.3

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Ершов Юрий Геннадьевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал), заведующий кафедрой философии и политологии, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация
Меры по преодолению правового нигилизма делятся на стратегические и тактические. К тактическим мерам относятся совершенствование законодательства, уголовные репрессии, ужесточение административного контроля. Стратегические меры включают развитие разделения властей, гражданского общества, политической конкуренции.

Ключевые понятия:
правовой нигилизм, ограничение власти, правосознание, гражданское общество.

Отечественные теоретики связывают возникновение и устойчивость правового нигилизма в первую очередь с действиями субъектов властных полномочий, но есть взгляд и о «равной ответственности» представителей власти и самого населения (народа) за нигилистическое отношение к закону и порядку. Такой подход оправдан, во-первых, системным и всеохватывающим характером правового нигилизма, захватывающим все, без исключения, слои и группы общества. Во-вторых, архетипы традиционной отечественной культуры по сей день несут привычку оправдывать личное противоправное поведение исключительно виной и прегрешениями власти и её представителей. Звучный и привлекательный девиз правового государства «разрешено всё, что не запрещено», оборачивается анархией и произволом, если не сопрягается с твёрдыми религиозными и нравственными ограничениями. Кажется, именно частное право выражает, закрепляет и гарантирует свободу личности, предоставляет широкие возможности для инициативы и предприимчивости. Но, отмечает М.В. Касьяненко, «...такие основополагающие и бесценные начала гражданского права, как диспозитивность, гибкость и ориентированность на частные конкретные интересы и волю субъекта в случае с феноменом правового нигилизма оборачиваются для самого гражданского права очень неблагоприятными последствиями» [2, с. 50]. Ценность гражданско-правового регулирования как меры свободы неотделима от его дозволительного характера, презумпций разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений, их равенства, наконец. Но эти же основополагающие принципы вызывают к жизни ничтожные сделки, односторонний отказ от исполнения принятых обязательств, злоупотребление правом, введение в заблуждение другого участника гражданского оборота и т.д. Традиционное сознание, сталкиваясь с подобным недобросовестным использованием юридического формализма, начинает апеллировать к ценностям справедливости и коллективизма, возвращению приоритета государства в правовом регулировании. Тем самым оправдывается неумение и нежелание значительной массы людей самостоятельно принуждать себя к законопослушному и добропорядочному поведению.

В России столетиями складывалась благодатная и постоянно удобряемая почва негативного отношения к праву, отождествления его с волей начальства. Исследуя причины взрыва правового нигилизма

в России конца 20-х – начала 30-х годов XX века, вообще социально-исторические корни сталинизма, Э.Ю.Соловьёв указывает на феномен массовой люмпенизации населения после Первой мировой и Гражданской войн. Разложение институтов государственной власти и отсутствие гражданского общества, милитаризация жизни во всех её проявлениях, крах традиционных нравственных и религиозных ценностей и т.п., – всё это привело к возникновению массы обездоленных, одичавших людей, носителей авторитарного сознания, привыкших насилием решать задачи физического выживания, подчиняющихся, в свою очередь, превосходящей силе [5, с. 162–235]. Вождям же победивших люмпенов присуща идеологическая маниакальность, одержимость разрушением, абсолютный цинизм и беспринципность, благодаря которым удалось создать кровавую диктатуру, систему тотального государственного террора.

Маргинализация – следствие слома прежней общественной системы – выражает потерю связей индивида с социальной группой, психологию оторванности от людей, надломленности и замкнутости индивидуального существования. Так называемый «адаптационный индивидуализм» заключается в дисгармоничном приспособлении одинокого, потерявшего духовную опору человека, борющегося за выживание или приспособление к существующим структурам власти и собственности. Для маргиналов типичны личностные черты недоверия, подозрительности и конфликтности, отсюда типичность нравственной и политической глухоты чиновников, которые, как известно, плоть от плоти собственного народа. Невежественный в правовом отношении человек и социально пассивен, и социально уязвим, замкнут в узком мире личных интересов и конформистского приспособленчества. Неразвитое же правосознание всегда является питательной средой правонарушений, ошибок и заблуждения, обмана и насилия.

Не стоит поражаться ситуации, в которой формальная востребованность права сопровождается всплеском злостных и вопиющих форм правового нигилизма. Всегда реальна угроза перехода от привычного, повседневного произвола, игнорирования правовых и иных социальных норм к потере управляемости, анархии, краху государственности, означающим национальную катастрофу.

Меры по преодолению правового нигилизма, устранению причин его возникновения и сужению сфер действия делятся на стратегические и тактические – в зависимости от степени опасности и укоренённости в обществе его форм. Используя медицинские аналогии, можно вести речь о применении хирургических, терапевтических или профилактических мер. Естественно, к числу хирургических мер относятся карательные меры уголовного порядка, ужесточение административного контроля. Эти меры могут быть абсолютно оправданными, но они никогда и нигде не решали проблемы противодействия преступному поведению.

Стратегические меры по самому своему смыслу обращены на изменение условий и факторов, порождающих девиации, деликты и преступления как самые «сильные» формы правового нигилизма. Если право не ограничивает политическую и административную власть, оно неминуемо вырождается как право, а государство, прибегающее в управлении обществом преимущественно к репрессивным мерам, тем самым обнаруживает свою внутреннюю слабость и имеет плохие перспективы. Стратегия противодействия правовому нигилизму должна иметь системный, комплексный характер, объединять все силы общества, быть важной составной частью государственной политики. По этой причине расстановка приоритетов стратегии достаточно условна – в силу нерасторжимой взаимосвязи всех её направлений. Обозначим главные из них.

В рамках модернизации системы исполнительной власти необходимо внедрение действенных технологий разработки, принятия и исполнения решений. Массовый непрофессионализм в сфере управления общества должен преодолеваться повышением качества подготовки специалистов государственной службы, их статуса, изменением самой системы государственного управления и, прежде всего, подготовки, отбора, расстановки и ответственности кадров. Повышение ответственности государственных и муниципальных служащих бессмысленно без системы весомых социальных гарантий для них и членов их семей.

Для ограничения злоупотребления властью необходимо последовательное формирование институциональных ограничений власти путём разделения властных полномочий и создания перекрёстных обязанностей по надзору между государственными ведомствами. Принцип верховенства права требует ограничения дискреционных полномочий органов власти, особенно президентской власти. Собственное усмотрение чиновников объективно создаёт соблазн использовать государство как свою собственность, присваивать часть бюджетной ренты, словом, рас-

поряжаться государственной властью ради извлечения личной выгоды. Как свидетельствует история, коррупции может подвергаться любой человек, имеющий дискреционную власть (право усмотрения) – власть над распределением каких-либо ресурсов, которые ему не принадлежат. Не случайно в демократических странах всё большее внимание, как теоретиков и политиков, так и широких слоёв общественности, привлекает проблема предотвращения опасности дискреционной власти для гражданских свобод и развития общества.

Конституционное закрепление принципа разделения властей будет сугубо формальным, если не возникнет политической конкурентной среды, придающей действенный смысл системе взаимных сдержек и противовесов. Только реальная, а не декоративная многопартийность способна обеспечить самостоятельность законодательных органов власти, контролирующих деятельность органов исполнительной власти. Независимые парламентские комиссии, обладая полномочиями по расследованию фактов противоправных деяний высших должностных лиц, могут внести серьёзный вклад в повышение степени подотчётности политического руководства.

Необходим не просто диалог общества и власти, но целенаправленная государственная политика максимального поощрения гражданской активности. Приоритет принадлежит независимым СМИ, которые первыми могут создавать искомую атмосферу нетерпимости к проявлениям правового нигилизма, проводить разоблачительные журналистские расследования и предавать огласке факты коррупции, административного произвола и политического насилия. Для этого необходимы законодательные меры, обеспечивающие доступ к информации или даже принуждающие государственных и муниципальных служащих к предоставлению информации о своей деятельности и журналистам, и обычным гражданам по их требованию. Разумеется, кроме той информации, которая содержит государственную, служебную или коммерческую тайну.

Продолжение борьбы с организованной преступностью и коррупцией требует, с учётом эффективности действующих нормативных правовых актов, их соответствия изменяющимся криминальным реалиям и социальной обстановке, использования собственного и зарубежного опыта, положений новых международно-правовых документов. Мощным и современным ресурсом может стать «электронное государство», с системой разделов, аналогичных «Борьбе с коррупцией» на официальном сайте Генпрокуратуры. Жалобы, информация о злоупотреблениях служебным положением, халатности и административном произволе, не говоря уже о скрываемых преступлениях, поступившие на сайт, должны влечь за собой оперативную проверку и соответствующие решения.

Часто встречается упрощённый – «просветительский» взгляд на нигилизм, сводящий его причины к правовой неразвитости субъектов права, наличию серьёзных дефектов в правовых знаниях, убеждениях и в итоге в их правовом поведении. Нелепо возражать против задач углубления правовых знаний населения, поощрению интереса к осмыслению ценности права для достижения личных и общественных запросов. Организованная государственная правовая социализация в форме системного правового воспитания достигнет своих целей только при совпадении пропаганды и просвещения с политическими и судебными практиками. При этом стоит принять во внимание идею Р.Е. Кузнецова о правовом формализме как источнике правового нигилизма, придающего ему выборочный, лицемерный, воинствующий и циничный характер. Акцент на правовой форме может привести к её фетишизации и производству искусственно спровоцированных формализмов. Они и создают феномен лексофобии граждан (страха перед правовой нормой как изначально направленной против их свободы и благополучия), вызываемой формальным следованием нормативным предписаниям со стороны профессиональных юристов [4]. Нетрудно понять чувства людей, пытающихся хоть что-то понять в громоздких, как будто специально усложнённых юридических текстах, особенно когда они используются в мошеннических целях «профессионалами».

Геополитическая реальность последних лет, в том числе связанная с российско-украинскими отношениями, практики «двойных стандартов» в международных отношениях и т.п. делают апелляции к международному праву легковесными.Наступление на правовой нигилизм в формах коррупции, терроризма, организованной преступности невозможно без формирования современной правовой базы. Необходима ратификация приоритетных международных конвенций, касающихся разных аспектов борьбы с организованной преступностью, терроризмом и органически связанной с ними коррупцией, принятие соответствующих федеральных законов и подзаконных

актов. В этом же русле – международного сотрудничества – должна происходить унификация законодательства в сфере государственного регулирования экономики, применения полицейских мер.

Как известно, одним из существенных признаков правового государства является принцип прямого действия конституционных норм. В российской Конституции он провозглашён и в общей форме (ст. 15), и применительно к правам и свободам человека и гражданина (ст. 18). По факту значительное число конституционных норм сформулированы так, что их применение обусловлено либо наличием законов, их конкретизирующих, либо им противоречит множество законов и подзаконных актов. В статьях Конституции РФ около шестидесяти раз упоминаются федеральные и просто законы, которые должны конкретизировать характер правового регулирования тех или иных общественных отношений. При этом можно обнаружить ссылки на отсутствующий закон, что делает невозможным его применение или отсутствие процедуры, обеспечивающей применение конституционной нормы судом. Формулировка конституционной нормы может быть размытой, и отсутствует необходимое ресурсное обеспечения её действия.

Беспристрастность независимых судов, отвергающих любые властные влияния и подчиняющихся только закону, пока остаётся недостижимым идеалом. По оценкам граждан, на практике справедливыми в России бывают судебные решения по простым делам, в которых явно нарушаются права граждан. Но соблюдение равенства перед законом становится проблематичным при судебном споре с участием государственных корпораций, крупных банков, компаний крупного бизнеса, государственных и муниципальных организаций и т.п. Еще значительнее асимметрия сторон при участии в судебном процессе представителей органов власти и правоохранительных органов, при этом доказательства, собранные независимыми от следственных органов адвокатами, чаще всего судьями игнорируются. Повсеместная убеждённость в продажности судов приводит к попыткам восстанавливать справедливость вне судебной власти и помимо правоохранительных органов, прибегать к незаконным способам решения своих проблем и конфликтных ситуаций, в том числе пользоваться услугами криминальных структур. Складывается практика, когда не только граждане, но и чиновники готовы искать решение проблем и споров в обход законодательства, прибегая к личным, неформальным договорённостям. Возникает взаимная заинтересованность и граждан, и должностных лиц игнорировать официальные инстанции – суды, нормы законов, органы власти. Подобные неформальные взаимоотношения служат источником коррупционных действий, воспроизводящих неофициальный институциональный порядок решения судебных споров, отклоняющихся или противоречащих нормам законов, использующих коррупцию, произвол и насилие.

Продуктивно поощрение государством судебной практики, позволяющей гражданам и их организациям развивать умения и навыки отстаивать свои интересы в судах. Необходимо развитие суда присяжных как фактора формирования подлинной гражданской и правовой культуры. Поскольку в России профессиональные суды зачастую заботятся не о законе и справедливости, а демонстрируют лояльность исполнительной власти, суд присяжных может быть реальной силой, противостоящей привычному для российского «правосудия» обвинительному уклону. Другое дело, что должны измениться критерии отбора в присяжные, исключающие или, по крайней мере, сводящие к минимуму попадание в их число людей с невысоким уровнем грамотности, приверженностью к стереотипам и предрассудкам массового сознания.

Что же касается судебной ветви власти в целом, то путь к её подлинной независимости давно известен – обеспечение неприкосновенности и несменяемости судей, предотвращение любых попыток сделать их управляемыми со стороны исполнительной и законодательной властей. В свою очередь, должна быть принята система процедурных и организационных мер по контролю деятельности судебной системы, усиления ответственностей судей.

Разумеется, перечислены далеко не все направления и меры противодействия правовому нигилизму. Но дело в том, что, по замечанию С.Г. Зырянова, «...в России ставить политическую целесообразность выше норм права принято правящим классом за правило уже четыре столетия... из-за этого правила оказались недееспособными четыре советские Конституции» [1, с. 39]. Фальшь и лицемерие исторической ситуации в том, что действующая либерально-демократическая Конституция, сыграв свою роль в первоначальной легитимации постсоветской власти, переделе власти и соб-

ственности, сегодня тяготит политическую верхушку. Страна живёт в условиях так называемого «мнимого конституционализма», с неизбежностью воспроизводящего разрыв, подчас чудовищный, между политико-правовыми декларациями и реальностью.

В.В. Кочетков считает, что вся теоретическая возня вокруг русской национальной идеи («суверенная демократия», «модернизация» и т.д.) затевается с одной целью – обосновать и законсервировать «мнимый конституционализм» [3, с. 19]. Мы солидарны с его убеждением, что должны быть рационализированы онтологические ценности нашего народа на теоретической платформе конституционализма. Вековая мечта русского народа о воле и правде может быть реализована в виде права на частную и публичную автономию для каждого не в ущерб другим [3, с. 19]. Но нельзя отрицать и попытки «рационализировать» пресловутую формулу «православие, самодержавие, народность» – вместо тщательной и планомерной национальной интерпретации ценностей правового государства. Вот тогда, в виде последствий архаизации политико-правовой жизни, вероятны в России и фарс, и трагедия.

1. Зырянов, С.Г. 20 лет формирования политической и социальной базы Конституции России – предварительные итоги [Текст] / С.Г. Зырянов // Социум и власть. 2013. № 6. С. 39–47.

2. Касьяненко, М.В. Правовой нигилизм в частноправовых (гражданских) отношениях [Текст] / М.В. Касьяненко // ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: теория и практика. 2010. № 2 (62). С. 50–53.

3. Кочетков, В.В. К вопросу о национальной Русской идее: философско-правовой подход [Текст] / В.В. Кочетков // Государство и право. 2013. № 4. С. 13–19.

4. Кузнецов, Р.Е. Правовой нигилизм как фактор гипертрофии правовой политики [Текст] / Р.Е. Кузнецов // Философия права. 2009. № 1. С. 117–120.

5. Соловьёв, Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права [Текст] / Э.Ю. Соловьёв // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 162–235.

References

1. Zyrjanov S.G. *Socium i vlast',* 2013, no. 6, pp. 39–47 (in Russian).

2. Kas'janenko M.V. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika,* 2010, no. 2 (62), pp. 50–53 (in Russian).

3. Kochetkov V.V. Gosudarstvo i pravo, 2013, no. 4, pp. 13–19 (in Russian).

4. Kuznecov R.E. *Filosofija prava,* 2009, no. 1, pp. 117–120 (in Russian).

5. Solov'ev Je.Ju. *Pravovoj nigilizm i gumanisticheskij smysl prava* [Law nihilism and humanistic meaning of law]. Kvintjessencija: Filosofskij al'manah (Quintessence: philosophic almanac). Moscow, 1990, pp. 162–235 (in Russian).

UDC 343.3

LEGAL NIHILISM: RESISTANCE MEASURES

Yershov Yury Gennadyevich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Ural Institute of Administration (Branch),
the Head of the Chair
of Philosophy
and Political Sciences,
Doctor of Philosophy, Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Annotation
Measures to resist legal nihilism is divided into strategic and tactic. Tactic ones are perfection legislation, criminal repressions, administrative control toughening. Strategic measures are the follows: development of separation of powers, civil society and political competition.

Key concepts:
legal nihilism,
restriction of power,
legal conscious,
civil society.